

Творчество участников Молодёжного Амурского литературного объединения (МАЛО)

Татьяна Ярушина

Родилась в селе Тамбовка Амурской области. Работает методистом в отделе образования администрации Тамбовского района. Неоднократно публиковалась в газете «Амурский маяк», в еженедельной газете-альманахе МАЛО – «НЕОнлайн», в альманахах «Амур» (БГПИ), «Первоцвет» (Иркутск), в журнале «Огни Кузбасса». Автор сборников стихотворений и басен «НЕМые МЫсли» (2019) и «Вдох-выдох» (2022). Руководитель секции поэзии в #МАЛО_БЛГ.

Участница нескольких семинаров в рамках работы Совета молодых литераторов Союза писателей России: Большого онлайн-совещания «Москва – Владивосток» (2020), Всероссийского Совещания молодых литераторов ХИМКИ'21, семинара журнала «Сибирские огни» (2021).

Рассказы

«Да сплюнь ты!...»

Перейдя Первомайскую улицу, заворачиваю за аптеку «АмурФармация» и иду дворами. Четыре трёхэтажных дома, как старые книги на запустелой библиотечной полке, стоят недалеко друг от друга и переглядываются своими балконными заголовками. Потёртые, грязно-жёлтые и неуклюжие, они напоминают могильные плиты посреди приходящего в себя от зимы села.

Середина весны, но никаких весенних признаков. Грязная клейковина липнет к ботинкам, старые штукетины под сиреневыми кустами скалятся, как наполовину выбитые зубы, а клумбы у подъездов скорее напоминают землю, отведённую под раскопки былых тёплых деньков, нежели жилплощадь для растительности.

Картина не воодушевляющая. Иду медленно мимо голых огородов, замурованных в серость деревьев, мимо мусорных контейнеров, подвергшихся натиску бродячих собак. Где-то сигналият машины. Где-то кашляют воробьи. Где-то... смеётся человек?

Прихожу в себя. Подняв брови, отгоняю унылые мысли и пытаюсь понять, откуда раздаётся смех. Подумать только: монотонность этого серого четверга пронзает, как скрипичная партия, женский смех! Подхожу ближе к третьему от аптеки дому и вижу, что на старой скамейке, у второго подъезда, хохочет старушка. И так заливисто, так по-девичьи звучит её смех. Маленькое хрупкое тельце её подскакивает на месте, а ноги болтаются, как две качели, параллельно подвешенные, нодвигающиеся вразнобой. Тёмно-синие шлепанцы, обутые на разноцветные шерстяные носки, едва касаются промёрзшей земли. Её застиранный зелёный пуховичок, расстёгнутый нараспашку, обнажает вязаную ярко-розовую кофту, надетую наизнанку. Пушистая шапка, слетевшая с запрокинутой назад головы, лежит на клумбе, где каждое лето, вплоть до глубокой осени, цветут бархатцы.

По улыбающемуся лицу старушки катятся слёзы, с точностью попадая в борозды морщин.

Женщина смеётся, а я стою в стороне, как истукан, и улыбаюсь. Ничего не могу с собой поделать. Этот смех, как простуда, распространяется воздушно-капельным путем, проникает и в моё тело, и в мои мысли.

«Что же её так рассмешило?» — думаю про себя я, но не вижу вокруг причин для радости.

Заливистый смех заполняет весь жилой массив, делает остаток четверга чуточку светлее. На небе проступает солнце.

Ловлю себя на мысли, что ни разу не видела эту хохотушку здесь раньше. Хотя чему удивляться — я живу в этом районе недавно. Продолжаю свой путь с довольной улыбкой, перебирая сегодняшние проблемы в голове и уже не расценивая их как глобальные. Целительный смех. Как подчас счастье незнакомых нам людей может распространяться на нас самих.

Подхожу к своему дому, вся охваченная этой неожиданной радостью, окрылённая, открываю подъезд и слышу с балкона первого этажа: «Здрасьте!»

— Здравствуйте, — подняв голову и прикрыв обратно дверь, отвечаю я соседке.

— С работы? — спрашивает тётя Нина, ставя таз с постиранным бельём на балконный столик. Один носок вываливается из таза и падает на клумбу.

— С работы, — отвечаю я и подаю ей полосатого беглеца. Улыбаюсь — ну ничего не могу с собой поделать. А смех всё ещё раздаётся у меня за спиной. — Слышите, там старушка смеется. Так заразительно!

— А! Клавдия Ивановна? Она смеётся уже минут пятнадцать, всё не успокоится никак, — ухмыляясь, отвечает соседка.

Тон её ответа и особенно ухмылка вызывают во мне удивление и даже негодование.

— Такая жизнерадостная она! Мне бы так! — оборачиваясь на старушку, восклицаю я.

— Да сплюнь ты! — морщится соседка.

— Почему это? — Я ничего не понимаю, но всё равно три раза плюю через левое плечо.

— Деменция у неё. Ей, видишь ли, для смеха причины не нужны.

И вот улыбка моя тает на глазах соседки с первого этажа. Тает и растекается по треснувшему асфальту. Тает, как смех за моей спиной. Тает, как только что зародившаяся радость.

И как моя уверенность в том, что для смеха нужен повод...

Камнем по голове

На набережной, в районе беседки-ротонды, играет на гитаре и поёт молодой музыкант. Его русые вихры развеваются на ветру, куртка цвета хаки, расстёгнутая нараспашку, обнажает чёрную футболку с надписью «Nirvana», а серебряный браслет на руке и пара медных колец на пальцах блестят в лучах заходящего солнца.

Парень крепко держит свою чёрную акустическую гитару и раскачивается в такт музыке, которая разносится по набережной, проникает в кафе, оседает на скамейках и привлекает бесцельно гуляющих людей.

Музыкант уверен в себе и в том, что делает. От удовольствия он покусывает губы, щурит глаза, потряхивает своей шевелюрой, явно подражая рок-идолам восьмидесятых.

Зеваки, собравшиеся вокруг, испытывают противоречивые чувства. Перед ними привлекательный и харизматичный молодой человек, абсолютно не умеющий петь. Конечно, его вокал можно было бы отнести к какому-нибудь из особых типов исполнения, кои любят придумывать люди, чтобы оправдать отсутствие таланта и мастерства, но не в этом случае. Ведь на гитаре он играет отлично — значит, имеет музыкальный слух.

Песня «Возьми моё сердце» группы «Ария» слышится около ротонды, когда к этому месту подходит молоденькая рыжеволосая девушка в летнем светло-зелёном платье. Она смотрит на озадаченные таким несуразным исполнением композиции лица зрителей и невольно подслушивает разговор, который переплетается с пением горе-музыканта.

Возьми моё сердце. Возьми мою душу...

— Кто бы его уже взял и вышвырнул отсюда? — с иронией произносит лысый мужчина средних лет, не отрывая глаз от исполнителя рок-хита девяностых. — Сил никаких нет это слушать.

Я так одинок в этот час, что хочу умереть...

— Давно пора! — насмешливо кивает его товарищ в ярко-красной футболке, обтягивающей ненормально круглый живот. — В его случае уже действовать надо — умирать, так с песней.

Мужчины смеются, не обращая внимания на уставившуюся на них в упор девушку.

Мне некуда деться, свой мир я разрушил,
По мне плачет только свеча на холодной заре...

— Если он не прекратит завывать, я его прибью. Но тогда о нём плакать будет уже мать... — перестав улыбаться, произносит лысый и вытирает рукой проступивший на лбу пот.

— Ага, отдыхали спокойно, потягивали пиво, а тут кошачий концерт. Сейчас он закончит петь, мы подойдём к нему и усмирим, как говорится, — тоже сменив весёлость на серьёзность, говорит второй.

Девушка, встревоженная услышанным, подходит ближе к музыканту и, пытаясь сделать его исполнение немного более сносным, начинает подпевать. Её обучение в колледже искусств на отделении вокала даёт о себе знать: песня благодаря чистому и звонкому женскому голосу приобретает новое звучание. Слушатели, до этого стоявшие с недоумённым видом, начинают улыбаться, возмущённые голоса сменяются довольным свистом. Парень озадаченно смотрит на девушку, но не прекращает играть.

...Возьми моё сердце.

Музыка замолкает. Публика аплодирует, количество зрителей за это время увеличивается вдвое. Кто-то из толпы выкрикивает: «Давайте КиШа!» Вокруг раздаются одобрительные возгласы. Два критически настроенных мужчины, так ждавшие окончания выступления, больше не горят желанием избавиться от музыканта. Прекрасный голос девушки напрочь стёр с лиц отдыхающих выражение начального недоумения.

После неожиданного успеха рыжеволосая гостья подходит вплотную к музыканту и, глядя ему в глаза, с улыбкой произносит:

— Может, споём «Проклятый старый дом»?

— Пошла вон... — отчётливо шепчет парень.

— Почему?! — удивлённо округлив глаза, спрашивает сбита с толку девушка.

— Я тебе сказал, чтобы ты шла отсюда. Сначала петь научись, а потом говорить будем. Позоришь только! — со злобой произносит парень и рукой отстраняет её от себя.

Толпа слушателей сразу замолкает.

— Но ведь мы... — Девушка пытается что-то сказать и при этом не расплакаться от обиды.

— Это моя публика, так что топай! — повысив тон, говорит молодой человек.

Ошарашенная студентка колледжа непроизвольно одёргивает своё светло-зелёное платье и под начавшуюся песню «Камнем по голове» группы «Король и Шут» идёт по набережной в сторону городского парка.

Её голова камень уже поймала.

Наступившая во время их короткого разговора тишина неожиданно нарушается. Люди, выражая возмущение грубостью музыканта, расходятся по своим делам.

Парень продолжает играть и петь, не обращая внимания на то, что из зрителей остались только двое мужчин, которые с нетерпением ждут конца его песни.

Неловко вышло

— Давай купим эту черепашку! Смотри, какая хорошенькая! — тараторит Иринка.

— Ну и что мы с ней делать будем? — недовольно спрашивает Макар.

— Выпустим на свободу! — уверенно отвечает она и улыбается.

— Ты хочешь сказать, что мы должны потратить деньги на эту черепаху, чтобы потом просто выпустить её в море? — уточняет парень, не отрывая от спутницы своих тёмно-карих глаз.

— Ну да! Представляешь, мы спасём ей жизнь! Она ведь взаперти, в этой маленькой пластмассовой баночке! Это не жизнь, Макар, это пытка, — с дрожью в голосе продолжает Иринка. Её серые глаза наполняются слезами.

— Хорошо. Давай купим и выпустим, — соглашается Макар и протягивает продавцу три юаня. Тот явно чем-то озадачен. Видно, он, как и многие местные продавцы в китайском курортном Бэйдайхэ, понимает по-русски и его удивляет такая неразумная трата денег: купить черепашку — и тут же её отпустить.

Иринка берет баночку, поднимает на уровень своих глаз и довольно шепчет: «Теперь ты будешь свободна, Женья!»

— Почему Женя-то? — удивляется Макар и поправляет кепку на своей голове.

— Так мы же не знаем черепашьего пола, — отвечает девушка, слегка постукивая указательным пальцем левой руки по баночке.

И вот они уже спускаются вниз по дороге к морю. По пути встречаются торговцы фруктами, бижутерией, кукурузой. На улице пахнет морем и персиками. Иринка гордо несёт черепашку, а Макар идёт немного позади, прислушиваясь к пению цикад.

На море небольшие мутные волны, хлюпая, слюнявят берег. Песок обжигает ноги, а китайские дети, нацепив надувные круги для плавания, разбегаются в разные стороны и мчатся друг к другу, сталкиваясь и отлетая в разные стороны.

— Вот так и Женя будет в море веселиться с другими черепашками! — говорит Иринка, подходя ближе к воде.

— Что же, давай отпускать, раз затеялись, — с ухмылкой произносит Макар.

Иринка с решительным видом смахивает прядь упавших на лицо волос и двигается вперёд. Когда вода доходит уже до колен, она откручивает крышечку и, радостно взглянув на Женю, переворачивает баночку. Черепашка, как неживая, плюхается вниз.

— Макар! Смотри, Женя не хочет от нас уплывать! Какое благодарное создание! — восторженно кричит Иринка. — Ты только посмотри! Прощай, Женя! — восклицает она и машет маленькой черепашке вслед.

Макар смотрит на эту сцену с долей сожаления. Ему кажется, что они что-то делают не так.

Черепашка барахтается у берега, сопротивляясь лёгким волнам, пока ими же её не уносит.

— Я вас везде ищу! — слышится мужской голос за спиной Макара. — Все уже собрались в кафе, только вас ждём.

— Да, сейчас идём! — откликается на его слова Иринка. — Глеб, мы тут черепашку у китайца в магазине купили и решили её выпустить на свободу!

— Не в том ли магазине, который возле фонтана на углу? — спрашивает парень, указывая в ту сторону, откуда пришли Макар и Иринка.

— В том! — довольно кивает головой девушка. — А назвали мы черепашку Женей, кстати. Здорово ведь?

— Не здорово, Ир, — недовольно отвечает парень.

— Почему? — спрашивает, нахмурившись, Иринка.

— Потому что черепаха была пресноводной, — произносит Глеб и, качая головой, смотрит на мутную морскую воду.

— Неловко вышло... — шепчет Макар, бросает короткий взгляд на девушку и отворачивается.

Когда цветёт черёмуха

Наш красный «Москвич» подъехал к деревянному забору, перед которым лежали тёмные массивные шпалы, доходившие до середины цветущей раскидистой черёмухи, верхушка которой, когда приходило время, покрывалась крупными черными гроздьями. У бабушки с дедушкой за двором росла самая вкусная черёмуха. Стоило лишь взобраться на вершину, чтобы собрать самых сочных ягод. Мы с братом это хорошо знали, потому что родители ежемесячно привозили нас сюда.

Старый дом отцовских родителей был ещё и обладателем самого высокого, на мой взгляд, крыльца. Пока поднимаешься — запыхаешься. Однако облегчал мне подъём пушистый белый кот, у которого была гетерохромия. То есть, проще говоря, глаза у него были разного цвета: левый — голубой, а правый — зелёный. Кот всегда восседал на самой верхней ступеньке, медленно водил разноцветными глазами по небольшому огороду, не обходя вниманием и собаку, которая вечно металась у калитки. Завидев кота, я стремглав взлетала по ступенькам наверх и с особой нежностью гладила длинную шерсть дедушкиного любимца.

Дед всегда выходил нас встречать, пока бабушка хлопотала на кухне. Его поседевшие кудрявые волосы казались самыми густыми, а улыбка самой приветливой. Тогда для меня не было человека добрее, чем дед. Особенно меня удивляла его любовь к животным. Он мог потратить несколько часов, избавляя собаку от колтунов, даже если казалось, что вариант один — побрить пса наголо. Все покрывала в доме были в кошачьей шерсти, и как бы бабушка ни сетовала, все понимали, что дед без домашней живности не сможет.

В тот наш приезд в город дедушка вышел придержать собаку, которая залилась противным надоедливym лаем, пока мы с родителями и младшим братом гуськом проходили вдоль стены дома к крыльцу. Поднявшись, преодолели тёмную веранду, уставленную железными баками, обогнули старую газовую плиту и вошли в дом.

Справа от входа была маленькая кухонька, где располагались печка, раковина, маленький деревянный стол с открывающимися вниз дверцами и плохо закрывающийся холодильник. В кухоньке было настолько тесно, что каждый там стоящий боялся что-то случайно сдвинуть или уронить.

Напротив кухни была комната моего двоюродного брата — крошечный закуток с кроватью и комодом, уставленным детскими фотографиями и иконами. Сам двоюродный брат к тому времени редко появлялся дома, проводя всё время на улице или у друзей.

Центральное место в доме занимал зал. Сразу слева — диван. Напротив входной двери — сервант, заставленный хрустальной посудой и статуэтками. Именно в серванте стояла моя детская фотография, где на фоне голубой шторы я стояла в пышном бордовом платье и держала в руках серого плюшевого слона. На голове моей красовался огромный белый бант. Чуть ниже располагались фотографии моего брата и двоюродной сестры. Сервант был особым местом, где бабушка хранила всё самое дорогое. Я об этом знала. И, казалось, ценила это.

Возле серванта на тумбочке располагался, к тому времени уже цветной, телевизор — грузная чёрная коробка, сверху бережно укрытая плетёной салфеткой. И, разумеется, рабочий стол, который давно потерял своё прямое назначение. На нём лежали обёрнутый в прозрачный чехол пульт от телевизора, цветные пуговицы и пожелтевшие от времени и солнца газеты.

Справа от входа в зал был ещё один дверной проём, рядом с которым стояло кресло деда. Я до сих пор помню, как дедушка — седой, лохматый, в сером свитере в мелкий ромбик, в плотных серо-зелёных штанах и тапочках поверх чёрных носков — сидел в этом кресле с котом на коленях.

И этот самый дверной проём вёл в спальню. Хотя я и не уверена, что это была спальня. Узкая и тесная, как каморка из романов Достоевского, она смогла вместить в себя лишь высокую кровать с периной и грудой подушек, уложенных друг на друга, и вещевой шкаф, в нижних ящиках которого находились чёрно-белые фотографии, хранившиеся в полиэтиленовых пакетах и больше напоминавшие вещественные доказательства, нежели семейный архив.

Бабушка, как обычно, крутилась на кухне. Маленькая, худенькая, немного сутулая, она была олицетворением хозяйственности и трудолюбия. Бабушка не чуждалась любой кропотливой работы. Она могла весь день провести возле кустов красной и белой смородины, собирая по одной ягодке. В полных ведрах не было ни листьев, ни веточек, только целые (а не раздавленные, как это всегда было у меня) круглые плоды.

В тот день я совершила поступок, за который мне до сих пор стыдно.

Разумеется, когда мы дети, нам многое могут простить: неаккуратно сказанное слово, дерзкий выпад, испорченную вещь или обман. Но совсем другое дело, когда спустя двадцать лет ты не можешь сам себя простить.

Это было начало двухтысячных. Только стали появляться йогурты, чипсы «Лейз», популярные и по сей день шоколадки «Баунти» и «Марс», сладкая газированная вода «Ассорти» и «Джойс». Всё это по тем временам стоило дорого. Как, собственно, и сейчас. Оттого ели мы это редко.

Но каково же было моё удивление, когда, приехав в тот день к бабушке с дедом и по привычке плюхнувшись на шерстяной от котов диван, я увидела чёрный пакет, который нам с братом поднесла бабушка.

Она с ласковой улыбкой пояснила:

— Вот, получила пенсию и купила то, что вы любите.

— О, классно! Спасибо! — воскликнула я и выхватила из бабушкиных мозолистых от работы в огороде рук пакет. Сверху лежала упаковка йогурта, состоявшая из четырёх стаканчиков, две пачки чипсов с сыром, бутылка газированной воды и пара шоколадных батончиков. Вы только подумайте, настоящий Новый год в мае!

Бабушка, умиляясь, постояла пару минут над нами, довольная тем, что вызвала такой восторг у внуков, которых видела не так часто, как хотела бы, и тихонько вышла на кухню.

Мы же с братом начали принятую в братско-сестринских кругах дежку по принципу: «Кто старше — тому и больше». Разумеется, не без слез брата.

Я сидела на диване, смотрела телевизор, ела чипсы, облизывая оранжевые от приправы пальцы, и думала о том, что очень здорово, когда у людей есть пенсия. А как прекрасно, что когда-нибудь она будет и у меня. Тогда можно будет позволить себе всё что угодно. Да, с выводами я тогда поторопилась.

Опустошив пачку, я принялась за йогурт. Отодрав защитную «крышечку» я увидела... плесень! Она зеленоватым слоем затянула верхушку содержимого стаканчика. Та же самая история была у брата. Мы переглянулись.

— Наверное, попался просроченный, — с недовольным видом произнесла я. Достала со дна пакета шоколадку и посмотрела на срок годности, чтобы точно не прогадать. Просрочена на месяц! Чипсы. Просрочены на три месяца! Йогурт — на два!

— Это ещё что такое? — возмутилась я. — Неужели бабушка не могла посмотреть на срок годности?

Соскочив с дивана, я скинула всё невскрытое и недоеденное в пакет и понесла на кухню.

— Бабушка! Оно всё просроченное! Ты что, отравить нас решила, что ли?! — прокричала я, недовольно сведя брови.

Все уставились на меня. Бабушка, стоявшая у открытого холодильника, замерла и опустила глаза. Мама пришла в себя раньше всех:

— Таня, ты как с бабушкой разговариваешь?

— А чего она нам просрочку дала? Лучше бы ничего не давала вообще! — выпалила я, бросила пакет, взглянула в заблестевшие от слёз бабушкины глаза и, шмыгнув носом, убежала на улицу, где чертовски сильно пахло цветущей черёмухой.

Минут двадцать я бродила за домом возле разваливающихся сараев, пинала твёрдые куски земли и ждала, что меня позовут на обед. Но о моём существовании будто бы все забыли...

В тот день домой мы ехали молча. У меня крутило живот, скорее всего, от самовнушения. Никто со мной о моём поведении так и не поговорил. Я сама всё, пусть и поздно, поняла.

Случай этот был забыт. Но спустя годы я всё думала о том, как же всё-таки бабушка нас любила. Пенсия у неё была маленькая. А как открылся небольшой магазин с просрочкой недалеко от дома, так решила купить сладостей, чтобы порадовать своих внуков, дабы они не чувствовали, что чего-то недополучают. Ко всему прочему бабушка с дедушкой имели статус «городских» родственников, а в то время, говорили, принято было сельских баловать. Возможно, бабушка и не думала о вредности такой еды. Но это ли важно?

После того случая изменилось одно. Когда мы бывали в городе, бабушка водила нас с братом в гастроном, где мы сами могли выбрать то, что хотели. Но уже не просроченное...

Бабушки в живых нет уже давно. Но каждый раз, когда цветёт черемуха, мы приезжаем на кладбище. Стоя у надгробного камня с её фотографией и порой медленно переводя взгляд на изображение деда на соседнем камне, я ловлю себя на мысли, что готова съесть всю просрочку в магазинах, лишь бы вернуть моих стариков и сказать бабушке: «Прости...»

Пень желаний

После смерти бабушки дед совсем сдал.

Осень выдалась на редкость промозглой и холодной. Красные виноградные листья уже облетели, обнажив редкие гроздья тёмных ягод, почти полностью склёванных сороками. Ветер временами был порывистый и беспощадный. Он хватал капли дождя, подбирал только что сорванные с тополей листья, ловил на лету насекомых и со всей силы выплескивал эту осеннюю окрошку в окна.

Дед лежал у нас дома, в комнате моего младшего брата, куда был определён мамой. Когда-то это была спальня родителей, но пару лет назад в ней был сделан ремонт: поклеены голубые обои с пальмами и песчаными островами, выровнен и перебелён потолок, постелен новый палас, покрашена бледно-фиолетовой краской дверь.

Раньше, открывая эту комнату, я испытывала радость, когда смотрела на такие яркие обои. Казалось, что из темной прихожей я неожиданно попадала на райский остров. Вот только на песочного цвета паласе валялись вместо ракушек грязные носки брата.

Теперь же, входя в комнату к деду, которого родители называли «лежачим», я ощущала невыносимую тревогу. У меня не укладывалось в голове, каково это — медленно умирать (а дед умирал) в комнате с пальмами, где пахло не морем, а лекарствами, где слышался не шум прибоя, а тихое постанывание и редкое поскрипывание кровати.

Дед лежал и будто бы погружался в белый зыбучий песок этой комнаты. Мертвенно-бледный на невыносимо-белом постельном белье, он казался призраком, который хочет раствориться в этих стенах, но не может. И эти пальмы. Жуткие пальмы, так противоречащие смерти.

Именно в этот год у нас в селе возле Дома культуры поставили «Пень желаний», который сразу облюбовали местные. Это был большой дубовый чурбак, очищенный от коры. Поверхность его была гладкой, какая встречается только у деревьев, долго пролежавших в воде. Вряд ли мне удалось бы его обхватить руками — таким широким он был.

Работники Дома культуры каждое утро выносили десятка два небольших гвоздиков, складывали их в красное ведёрко, висевшее под стойкой, на которой располагался чурбак, проверяли наличие прикованного на цепь молотка и следили за тем, чтобы никто из детей не поранился при забивании гвоздя.

Я знала, что во многих населённых пунктах были памятники, статуи или фонтаны, которые, по уверениям многих людей, способствовали исполнению желаний. Но для нашего села появление такого предмета было приятной неожиданностью. Желания сыпались одно за другим. Гвозди — и новенькие, блестящие, и старые, уже ржавые — плотно утыкали пень. А я тем временем искала в папином гараже самый большой гвоздь, который хотела тоже вбить и загадать желание. О скорейшем выздоровлении деда.

Найти что-то в отцовском гараже всегда было проблемой, порой даже и для папы. Множество полок были заставлены баночками, коробочками, ящичками, которые через верх были наполнены шурупами, гайками, отвертками и всем необходимым для работы с машиной и по хозяйству.

Несколько дней я пребывала в поисках лучшего гвоздя, а тем временем деду становилось хуже. Мама выходила из его комнаты смурная, всё реже можно было услышать от неё хорошие новости о том, что дед поел или произнёс хоть слово. Чаще всего, прикрывая дверь, она просто качала головой и уходила на кухню. Родители уже знали, к чему готовиться.

Мне было жаль взрослых. Они сдались, ведь потерять веру в чудо — значит перестать жить. Я верила в «Пень желаний». Верила в деда.

Обшарив весь гараж и всё же найдя самый большой гвоздь, я вскочила на велосипед и в дождь помчалась в центр села, к Дому культуры. Вот забью гвоздь, загадаю желание — и дед поправится!

Бросив велосипед у перил, быстро шлёпая по лужам, жадно глотающим мои сапоги, я побежала к месту, где находился волшебный пень. Везение! Вокруг никого не было, а вот место свободное под гвоздь было! Пара минут — и он торчал из пня. И я чувствовала, как желание постепенно начало исполняться.

Пятнадцать минут спустя я уже слезала с велосипеда и летела на кухню. Там, сидя за столом, плакала мама.

«Неужели умер?! — подумала я. — Не может быть! Это должно сработать!»

«И пень сработал. В этот день дед впервые за несколько суток поел. Потом заговорил, а потом...» — Так я могла бы продолжить историю, обманывая саму себя.

Но жизнь есть жизнь. Моему желанию не пришлось исполниться, потому что Смерть успела вбить гвоздь в крышку гроба моего деда раньше, чем я вбила его в «Пень желаний». Вбей я его днём раньше или днём позже — ничего бы не изменилось. Хотя детская вера сильнее веры взрослых.

На следующий день в доме все зеркала были завешаны белыми простынями. Такими же белыми, как те, на которых ещё вчера лежал дед.

Да только вот с тех пор пальмы для меня стали символом долгой и мучительной смерти, а не победы и долголетия, как принято считать.

Право на опыт

На улице сильный мороз, какой часто бывает на дальневосточной земле в середине января. Сероватые головы сугробов бьются лбами о колени прохожих, спешащих на работу. Машины ползут подобно баржам, бороздящим снежные волны, а птицы виснут над крышами и молчат из-за невозможности раскрыть замёрзшие клювы.

Амур встал колом, как встали стройные многоэтажки, как фонарные столбы и светофоры, как встало бледное небо над городом. Минус тридцать восемь. Снега не было два дня.

Иринка и Макар, держась за руки, медленно шли по тротуару. Субботний день пророчил тишину и покой. По гороскопу у Тельцов сегодня намечался благоприятный день и незначительные финансовые потери, а у Козерогов, если верить астрологу, должно было появиться

время для решения семейных проблем. Проще говоря, мало что могло испортить эту субботу.

Проходя мимо храма, Иринка заметила возле высокого кирпичного забора, окружавшего здание, щуплого, легко одетого старика. Он сидел на складном стульчике и подёргивался всем телом от холода. Его седые немытые волосы торчали из-под грязной вязкой шапки, заплывшее смуглое лицо, похожее на сушёный инжир, не раз за последние дни битое, выражало полное равнодушие, поседевшая борода напоминала один большой колтун, а пальцы, торчавшие из дырявых перчаток, пугали отсутствием ногтей. В руке он держал замызганный, некогда белый, пластиковый стакан, на дне которого лежала пара монет.

— Пода-а-айте Бога ради! — стонал старик, пытаясь перекричать звон колоколов на башне. — Пода-а-айте!

Иринка притормозила, не доходя до попрошайки, она приблизилась к уху Макара, оттянула его шапку и прошептала: «Давай подадим старику?»

Макар возвратил шапку на место, пряча ухо, и ответил:

— Я бы не стал подавать. Ему явно на водку надо.

— Нет, ты что?! У храма просто так кто попало не просит милостыню.

— Ириш, не смей меня. Каждый, кому нужно навернуть рюмашку, пойдет на всё, вплоть до такого сиденья на жутком холоде. Уж поверь мне.

Полная женщина в песцовой шапке и коричневой мутоновой шубе, протискиваясь между молодыми людьми, возмутилась:

— Встали посередине и клювами щелкают, не пройти и не проехать. Отойдите в сторону и не мешайте людям!

Она фыркнула и, шлёпая ботинками по льду, покрывающему тротуар, пошла дальше. Иринка и Макар переглянулись.

Тем временем старик сменил тактику. Он слез на тротуар, положил голову правым ухом на стул и стал протяжно конючить:

— О-о-о, лю-ю-ди добры-ы-е, помо-о-огите, кому не сло-о-ожно! Вну-у-уки болеют. Спа-а-асите боле-е-езных!

Прохожие, не обращая на него внимания, проносились мимо: кто-то спешил на остановку, кто-то стремился добежать до магазина, чтобы погреться.

Розовощёкая Иринка, натянув свою белую ушанку сильнее на лоб и подняв выше воротник бежевого удлиненного пуховика, посмотрела на Макара снизу вверх и прошептала:

— Макар, у него внуки больны, давай подадим милостыню. Он не пропьёт, я чувствую, да и мы не обеднеем.

— Ты всю жизнь живёшь в этом городе. Разве не слышала, что большинство людей, которые сидят у стен храмов и даже торговых центров, — это подсадные?

— А вот и нет. Тебе просто жалко для человека ста рублей... Вот люди увидят, что мы подали, и тоже начнут!

Макар смотрел на девушку долго и пристально. Наивность Иринки его поражала. Она столько раз получала оплеухи от жизни за свою доброту, но каждый раз будто забывала всё дурное. Макару в своё время приходилось иметь опыт с попрошайками, поэтому перечить девушке он не стал. Каждый имеет право на опыт.

— Хорошо, давай подадим, — сказал молодой человек, и Иринка, будь у неё хвост, обязательно бы им завиляла, но ей удалось только похлопать в ладоши. Звук хлопков растворился в толще её вязаных варежек.

Тем временем старик поднялся на ноги, хруст его костей смешался с шумом проезжающих мимо автомобилей, болтающих по телефонам людей и отдаленным звуком музыки в ближайшем торговом центре. Он переминался с ноги на ногу, порой потирая руками свои предплечья, выдыхал горячий воздух из своих угробленных ещё в молодости пневмонией лёгких. Стаканчик стоял у его ног.

Иринка подошла ближе к старику и пристально посмотрела на него, Макара же она попросила постоять в стороне, чтобы он ничего лишнего и оскорбительного не сказал. Парень сразу согласился.

— По-о-омоги-и-ите с-и-и-ироткам! — тянул попрошайка. — Бо-о-ольны-ы, бо-о-ольны-ы!

— Здравствуйте! Что с вашими внуками? — спросила Иринка, рискуя наконец начать разговор.

Старик устался на неё и замолчал. За последние недели с ним никто ни разу не заговорил и не подал ни одного рубля. Он стоял в смущении, глядя на девушку узкими щёлками глаз на заплывшем бородатом лице. Глаза его были такими голубыми, что, взглядевшись в них, Иринка поняла, что не ошиблась, когда решила помочь этому человеку. С такими глазами зло в душе не поселится.

— Гриппуют они, — произнёс наконец старик. И торопливо начал делиться своей болью: — Дети мои, их родители, погибли в прошлом году, а я пенсионер. Денег не хватает, а цены в аптеках — это издевательство над стариками... Живём мы в старом бараке, внучат двое: Надька и Лёнька, пять и семь лет. Кашляют, соплят...

— Не переживайте, сейчас я вам помогу. — Иринка поспешно открыла свой синий кошелёчек, достала пятьсот рублей и протянула старику. Тот от неожиданности резко сел на стул, стул проскользил по льду, и попрошайка упал. Иринка бросилась поднимать старика, но

отшатнулась от жуткой вони из его рта. Совладав с собой, всё-таки протянула руку и помогла ему встать. Он ухватился за её бежевый пуховик, оставив на нём несколько грязных пятен.

Макар, наблюдая со стороны за этой сценой, хмыкнул. Старик не внушал доверия, но и денег Макару жалко не было. Они оплатят Иринке урок. Единственное, чего ему хотелось после, — так это доказать девушке, что настоящие нищие встречаются нечасто, что по большей части на улицах собираются «подневольные», которых крышуют «сильные мира сего», держащие целые кварталы. Путём шантажа и насилия они заставляют стариков, инвалидов и женщин с детьми стоять и просить милостыню, при этом отбирая часть заработанного. Ведь пока существует человеческая жалость, будет существовать такой уличный бизнес.

Старик холодной дрожащей рукой сначала вытер собравшийся на его бороде иней, а потом взял новенькую купюру, которую любезно протянула ему девушка.

— Спасибо, моя дорогая. Как зовут тебя, спасительницу?

— Ирина, — ответила девушка.

— Так вот, Ирина, всего тебе самого доброго, да благословит тебя Господь. Я сейчас при тебе зайду в аптеку и куплю лекарств, чтобы ты не думала, что я пьяница. Все так думают ведь... — опустив глаза в землю, произнёс старик, слегка хрипя голосом.

— Не за что. Здоровья вашим Наде и Лёне и большой привет, — с ослепительной улыбкой произнесла девушка, выдохнула пар изо рта и пожелала хорошего дня старику. Тот помахал ей в ответ и поёжился.

Пока Иринка говорила с попрошайкой, Макар прошёл дальше и стал ждать девушку на углу. Та, завидев его, бросилась к нему на шею и сказала: «Вот видишь, так всегда бывает, когда поступаешь по совести». Она была довольна собой.

Старик сложил свой стул, взял с тротуара стакан и пошёл напрямик в аптеку. Иринка и Макар наблюдали за ним со стороны. Спустя десять минут старик вышел с наполовину полным аптечным пакетиком и направился по улице Горького в сторону Калинина.

Иринка ликовала, Макар молчал.

На следующее утро парень решил ещё раз посмотреть на страдальца с заплаканным лицом и голубыми глазами, заставившими поверить Иринку в чистоту человеческой души старика-нищего.

Снова, как и вчера, около забора на складном стуле сидел попрошайка. В той же одежде, с таким же равнодушным выражением лица. Как только люди переходили пешеходный переход и намеревались пройти мимо, он начинал затягивать знакомую песню:

— О-о-о, лю-у-ди до-о-обрые, помо-о-огите, кому не сло-о-ожно! Вну-у-уки болеют. Спа-а-асите боле-е-езных!

— Здравствуйте. Как поживают Надя и Лёня? — с усмешкой спросил Макар у уставившегося на него в упор старика.

— Кто? — с недоумением спросил старик и кашлянул, выпустив зловонный пар из своего рта.

— Внуки ваши болеющие, — пояснил парень.

Старик задумался. Глаза его бегали из стороны в сторону, Макар ощущал, как пульсирует мозг в голове у нищего.

— А, ну да. Мои дорогие внучата... — он шумно вдохнул и выдохнул, — ...по-прежнему хворы. Денег нет, кормить и лечить нечем. Я пенсионер, еле свожу концы с концами. Внучке два года, внуку пять... Пневмония у них. Хм...Подайте, пожалуйста, Бога ради прошу!

— Вчера моя девушка подала вам пятьсот рублей, однако то, что вы говорите сегодня, совсем не совпадает со вчерашней историей, — выпалил Макар, не сводя глаз с застывшего с открытым ртом старика. Парень купался в своей правоте.

— Иди-ка, парень, куда шёл. По-хорошему прошу, — сменив тон, сказал старик. Голубые глаза его сверкнули.

— Нет уж, поясните мне... На что вы потратили деньги?

— На что надо, на то и потратил! Хм... В аптеке был, — рывкнул старик, но, бегло оглядевшись по сторонам, сразу сменил тон на более мягкий. — Купил нужное и пошёл домой.

— Что купили? — не унимался Макар.

— Боярышник, — хмыкнув и пожав плечами, ответил старик. Ни стыда, ни раскаяния на его буром морщинистом лице не было.

— Ведь девчонка вчерашняя — студентка, живёт на стипендию, а пятьсот рублей — это приличные деньги. Она ведь поверила вам, — продолжал давить на чувство совести старика Макар, пока тот не прервал его речь:

— Послушай, дружок. Ты благодарен мне должен быть хотя бы за то, что я девицу твою не разочаровал. Во-первых, я дал ей поверить в то, что она помогла и денег на ветер не выкинула. Хм. Во-вторых, я специально пошёл в аптеку, потому что знал, что она будет наблюдать, хотя эта аптека дороже, чем та, что рядом со мной. Так что не надо из меня чудовище делать, я, как-никак, у храма сижу, сын божий и все дела... — Старик говорил это с таким нахальством и пренебрежением, что Макару становилось не по себе.

Неожиданно в голове парня возникла мысль о том, что этот старик не так прост. Слова его выдавали отнюдь не жертву, а хищника, человека опытного, хитрого и занимающего во всей этой «попрошайнической» системе не последнее место.

— Какая подлость так обманывать людей! — возмутился Макар и подышал на свои замёрзшие руки.

— Знаешь, пока есть такие наивные простаки, как девица твоя, будут существовать такие, как я. Но поверь мне, мальчик, — старик покашлял в кулак, — поверь мне, мальчик, я не самый плохой человек на этом свете. Есть намного хуже. Стены храма принимают всех верующих да безгрешных, за забором святыни мы все выброшенные на берег битые корабли. Я такой корабль. По крайней мере, я не дал этой наивной девочке усомниться в её правоте и благородстве поступка. Я позволяю, в своём роде, поверить в чудо и потешить человеческое самолюбие за счёт доброго дела. Так что... — Нищий обернулся на храм, посмотрел на самый высокий купол и с улыбкой произнёс: — Если подать ничего не хочешь, то ступай себе с Богом.

Макар будто вмёрз в землю. Речь старика сначала казалось ему абсурдной и нелепой, а потом он почему-то сам почувствовал себя дураком. Потому что пришёл сюда. Потому что начал во всём этом копать. Потому что его правота не принесла ему удовлетворения. Потому что, в конце концов, он решил не рассказывать правды Иринке.

Ведь у каждого должно быть право на опыт. И он своим воспользовался.